

ГАРРИ БЕАР

СОЗДАТЕЛЬ

"Ибо ничего и никогда не было для человека и человеческого общества невыносимее Свободы..."

Гарри Беар

Создатель

«Автор»

2014

Беар Г.

Создатель / Г. Беар — «Автор», 2014

Хочу предложить Вашему вниманию мой первый роман, написанный еще в начале 1990-х годов, но до сих пор нигде не публиковавшийся, – «СОЗДАТЕЛЬ». Хотя с момента замысла произведения и его долгого писания прошло много времени, я считаю, что роман этот будет интересен вам и сегодня. Интересен он будет потому, что не утратил за прошедшие двадцать лет своей содержательной актуальности. Думаю, что нет смысла комментировать сюжет романа «Создатель» и поступки моих героев: если Вы держите в руках эту книгу или смотрите в нее на экране монитора, Вы сами во всем сумеете разобраться, сами растолкуете себе описанные там ситуации.

© Беар Г., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Явление	7
Глава 2. Круг	13
Глава 3. Наркизов действует	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Гарри Беар

Создатель

"Ибо ничего и никогда не было для человека и человеческого общества невыносимее Свободы..."

Предисловие

Уважаемые читатели!

Хочу предложить Вашему вниманию мой первый роман, написанный еще в начале 1990-х годов, но до сих пор нигде не публиковавшийся, – «СОЗДАТЕЛЬ». Хотя с момента замысла произведения и его долгого писания прошло много времени, я считаю, что роман этот будет интересен вам и сегодня. Интересен он будет потому, что не утратил за прошедшие двадцать лет своей содержательной актуальности. Думаю, что нет смысла комментировать сюжет романа «Создатель» и поступки моих героев: если Вы держите в руках эту книгу или смотрите в нее на экране монитора, Вы сами во всем сумеете разобраться, сами растолкуете себе описанные там ситуации.

Обратить Ваше внимание я хотел бы только на несколько моментов, связанных с эпиграфами к роману. Все эпиграфы к главам и к самому роману взяты из произведений одного из наиболее почитаемых мною писателей – Ф.М. Достоевского. Более того, в 1991 году (1 редакция романа), определяя жанр произведения, я даже хотел поставить: *«роман в стиле Достоевского»*, но позже отказался от такого пояснения. Впрочем, некоторые сюжетные ходы, реплики персонажей и даже их имена, несомненно, напомнят вам произведения великого русского художника. Осенью 1994 года я существенно отредактировал первый вариант «Создателя», добавил несколько компактных сцен, сделав мотивированными отношения Наркизова и Шерстовой, а также – более значимой фигуру Савла (в 1 редакции такого персонажа не было) и еще нескольких эпизодических героев.

Сейчас, готовя роман к изданию, я постарался не вмешиваться в вариант двадцатилетней давности, внося только необходимую стилистическую правку. Надеюсь, мои герои, мысли, которые они выражают, и ситуации, в которых они оказываются, не оставят вас равнодушными, найдут отклик в ваших сердцах. Замечу еще: при оформлении обложки книги я использовал кадр из фильма А. Тарковского «Сталкер» (почему именно этот кадр, Вы поймете, дочитав текст до конца).

Надежда на ВНИМАТЕЛЬНОГО читателя моих произведений, как я уже не раз говорил, не угасает, ибо читать произведение поверхностно – это то же самое, что слушать классическую музыку, заткнув уши плотным слоем ваты, или смотреть современный красочный фильм, отключив в телевизоре всю его цветовую гамму, а заодно и реплики персонажей.

В добрый путь, читатель! И да поможет тебе Бог...

Глава 1. Явление

"Я ушел от гордых и воротился к смиренным для счастья этих смиренных..."
Ф. Достоевский

Гарри Всеволодович Наркизов быстро шел по узкому коридору второго этажа университета, расталкивая встречных. Он был сторонником великих идей. Он торопился... Внешность же Гарри имел почти замечательную. Он был строен, но не худ, немного бледен и мрачноват. Росту был повыше среднего и сложен весьма верно. Лицо имел вытянутое и чуть заостренное к низу, его прищуренные монгольские глаза смотрели на мир тяжело и были цвета неопределенного. Нос Гарри имел прямой, губы – чувственные и злые. Уши его были прижаты и обыкновенно прятались под темными густыми волосами. Переброшенная слева направо челка едва прикрывала выдающийся лоб Наркизова. Бородку и усов он обычно не носил, хотя мог позволить себе это по малейшей прихоти.

Когда Гарри Всеволодович начинал говорить, лицо его принимало разнообразные выражения, коверкаясь непрерывно. Походок он шел штук десять и умело пользовался ими в различных ситуациях. Своими длинными руками Наркизов не размахивал никогда или очень редко... Лет ему на вид давали двадцать пять – двадцать семь. А, в общем, впечатление Наркизов производил солидное и был важен, даже горделив на вид. В кабинете, куда наконец-то влетел наш герой, было полно народу: какие-то студенты и малозначительные посетители стояли и сидели возле второй двери, ведущей непосредственно к декану одного из факультетов вуза. Гарри небрежно поинтересовался, кто первый, и пояснил, что он прибыл из Столицы по срочному делу. Студенты загалдели, но тут отворилась дверь, какая-то очкастая деваха, держась за сердце, выползла из кабинета декана, и Наркизов, оттолкнув "первого", проник в заветное помещение.

В кабинете Наркизов, не присаживаясь, что-то быстро затараторил, объясняя декану Филфака Якову Васильевичу Титоренко свое присутствие в сих стенах вынужденным переводом из столичного престижного вуза. Седой и хитрый декан, приятно удивленный "приятному молодому человеку", ласково улыбнулся и сказал, что дело, несомненно, будет улажено. Затем он собственноручно начертал послания "тем, кого они касаются" и передал их Гарри. Наркизов просмотрел их, спокойно поблагодарил декана и стал прощаться. Титоренко демократично (в России назревали очередные "переменцы") протянул новому студенту свою полную профессорскую руку, но... Наркизов предпочел ее не заметить! Яков Васильевич изумленно уставился на захлопнувшуюся за Наркизовым дверь и, чуть погодя, нахмурился. Если б он знал! Это было первое появление Создателя.

Гарри сразу же поразился хамству и занятости жителей уездного Города Российской Коммунистической Республики (**Роскомресп**), где он волею судеб очутился. В первый же день создателя трижды послали на х..., причем, посылая, сами эти люди куда-то сильно торопились. Довольно скоро Наркизов обустроился в общежитии университета, перезнакомился со многими студентами, а с некоторыми сошёлся и вовсе коротко. Говорил создатель мало, но важно, когда нужно, вставлял цитатку – как правило, удачно и к месту. Слух о новом умнике, коими вуз не был переполнен, быстро распространился среди приходившего в себя после летних вакации студенчества. И многие из них сами стали заходить к Гарри знакомиться. Создатель их принимал, но в свои планы посвящать не спешил. Позже Наркизов стал менее сдержан и очень навредил себе этим. На второй день своего пребывания в Городе создатель отыскал себе так необходимого для всякого подобного начинания пашу смердякова...

Володя Мачилов, сокурсник Гарри, попался ему под вечер пьяным и под горячую руку. Дело в том, что Наркизову с огромным трудом удалось "выбить" у руководства общаги для себя отдельную комнатку за номером 713, которая располагалась по соседству с грозными лицами кавказской национальности. Русские там не уживались обычно и месяц, но создателя это мало смущало; взбесила же его неповоротливость студенческого комитета в лице его зампреда по быту, некоего Стукашова. Едва пришедший в себя после беседы с этой "макакой", Наркизов летел по коридору седьмого этажа и совсем было проскочил мимо шатающегося Вована. Но...

Мачилов нагло схватил его за хлястик красной куртки (на улице вовсю хлестал дождь) и пьяным голосом потребовал сигарету. Гарри резко развернулся, едва не оборвав хлястик, и совсем уж собрался заехать Мачилову по его мордюльнику, но что-то остановило создателя. Владимир Ильич Мачилов не пользовался в университете репутацией умного студента и за глаза был прозываем Мочей. Паренек этот был невысок, но крутобедр и мускулист, редкие светлые волосы не скрывали сильно оттопыренных ушей Мочи. Лицо его сияло известным ученическим любопытством и как бы говорило: "Просвети! я не совсем дурачок...". В целом же внешность Володя имел весьма смазливую, но не в том смысле, что по ней хотелось бы смазать. Мачилов часто употреблял в своей речи паразитические слова типа «Ша» и «Мля буду», что говорило о его скудном кругозоре. То, что именно он стал первым членом Гарриного Круга, было логично.

Загнав Вована к себе в комнатку и выставив бутылку "Пшеничной", Гарри как дважды два пять доказал ему, что "в наше Смутное время необходимо служить чему-то высокому, сильному". Пока водки было достаточно, Моча во всем соглашался с создателем, но ближе к концу попробовал взбрыкнуть: *"Да ладна-а, ты, кончай бздеть"*. С помощью необычайно твердых ладоней Наркизов быстро убедил Вову в гнусности его поведения; взяв нехорошие слова обратно, Мачилов согласился Чему-нибудь служить, но только под началом создателя. «Я весь тут, весь с тобой!» – цинично признался он даже. Гарри в ответ на это заявление только расхохотался.

Вторым завербованным в Круг человеком оказался самый умный студент Филфака Роман Евгеньевич Тассов. О том, чтоб вербовать его в свой круг, создатель вначале серьезно и не думал. Тассов имел в общаге репутацию сноба, и даже профессора не решались вступать с ним в дискуссии по руслиту 19 века, где Рома числился спецом. Тассов носил строгий костюм, небольшой животик и роговые очки, был плотно сложен и нетруслив. На первом курсе Рома имел небольшую стычку с кавказцем Гочкой по поводу изгаженного постельного белья: конфликт этот завершился полным поражением нагловатого черкеса, Тассова всерьез зауважали. С третьего курса Роман стал выступать с "нравственными проповедями", начитавшись Достоевского: его хорошо слушали охотно, хотя и не принимая всерьез. Подлинных единомышленников у Тассова не было, женщины тоже, так что до полного комфорта данный студент не дотягивал. Это обстоятельство и использовал хитроумный создатель.

Несколько проходных встреч в коридорах Юника (студенческое определение университета) закончились решительной беседой в одном из двух туалетов Факфила. На перемене, когда студенты и некоторые демократичные преподаватели стеклись в уборную покурить, Тассов завел разговор о сути "проповеди". Преподаватель истории русской литературы Кирюшин имел неосторожность сказать что-то о реакционности проповеди в царское время, и Тассов немедленно бросился на его разгром. Студенты покуривали и одобрительно посматривали на разящего иронией Тасса. Смешавшийся Кирюшин был уже готов к полной конфузии, но раздавшийся звонок отчасти спас его. Затушив сигареты до следующей перемены, студенты бросились к аудиториям. Тассов, гордо опиравшийся на трубу нефункционирующего унитаза, также хотел покинуть сие ристалище, но Гарри удержал туалетного Цицерона за рукав. Рома удивленно вскинул на него свои пучеглазые очи, но вопрос создателя заставил его остаться.

- А имеет ли право всякой проповедовать, али избранный токмо?!
- Ну... чтобы проповедовать, нужно быть человеком цельным!
- А вы-с? – улыбнулся Гарри, прищурившись.
- А я разорван, раздвоен!
- Разрушены что ли?
- Вот-вот, – Тассов вынул платок и обтерся.
- Чем же-с, позвольте узнать? Вихрем обстоятельств?
- Перестаньте, как вас там...
- Наркизов, да просто – Гарри!
- Эх, Наркизов... Я ведь специалист по Достоевскому.
- Неужели?! – Гарри съехидничал: весь факультет знал об этом.
- Это неважно, конечно, но...
- А мои "проповеди" слышать доводилось? – сменил тему создатель.
- Да, слышал... Скучно...
- Вот как? – обиделся Гарри. – У вас скучнее...
- Вы, извиняюсь, просто демагог, а я правды хочу, требую!
- А если ее вовсе нет?
- Возможно... – протянул Тассов, забывший про лекцию, что с ним случилось крайне редко. – Но вы-то ее тоже ищите, так?
- Кто сказал, кто сказал? – изумился создатель.
- Вы и говорите...
- Правда, она весьма проста, – пояснил Гарри. – Вы и сами знаете: когда ежедневно, ежечасно, еже... м-да! Вы сталкиваетесь со злом и ненавистью.
- Однако?
- Злом негодяев и ненавистью трусов, с завистью следящих за вашим восхождением... Когда подлецы торжествуют, а гении топчутся на месте! Люди вечно молчат, а еще лучше – злорадствуют.
- Ах, черт! – перебил его Тассов. – И вы туда же: учить и мучить, и ничего не делать...
- Я стану делать! – сказал Наркизов.
- Да-а... И что же?
- Но мне нужны, как его, союзники!
- По "мечу и оралу"? – иронично заметил Тассов.
- Ха-ха, а вы шутник! – деланно засмеялся создатель. – Только ваши шутки та же болтовня, не больше.
- Согласен, Гарри! Наша ирония – наше бессилие. Пора дело делать...
- Верю вам, Тассов! потому и зову в Круг! Там – конец болтовне, там – дело-с! – Гарри даже схватил руку Тасса.
- Как забавно вы ерс-аете! – вырвал у него руку Роман.
- К черту! Идете в Круг?
- "А знаете ли Вы, знаете ли Вы, милостивый государь, как это страшно..." – с места завелся Тассов.
- Когда некуда уж больше идти! – закончил создатель. – Верно, Рома, верно!
- Я согласен вступить! – торжественно молвил Рома.
- Ну и хорошо, ну и славненько, – радостно заюлил Гарри.
- Когда же ваше заседание, или как его там?
- А встреча, встреча-с! Я вас сразу извещу, если что наметится.
- Так я буду ждать! – Роман протянул создателю на прощание руку.
- Конечно-конечно! – создатель потряс пухлую лапку Тассова. – И до встречи, Роман Евгеньич!

– До свиданья, Наркизов, до свиданья...

Другие лица, обмороченные Наркизовым, были не столь колоритными, но у каждого была своя струнка, свой загиб в обоих полушариях. По большей части будущие "круговцы" были студентами университета, но оказался среди них и представитель самого доблестного класса Роскомреспы рабочий Федька Кораморов. Некогда и он учился в вузе, но решением ректората был отчислен за "недостойное поведение", то есть за пьянку и мордобой. Попав после этого в пролетарскую среду, Федька и там заимел авторитет у "товарищей рабочих", получив кличку Силыч. Сам облик Силыча вполне соответствовал данной ему кличке: Федька был коренаст, физически крепок, вечно угрюм, он имел могучие плечи и просто звериный взор темных глаз. Друзей в Юнике у него практически не осталось, так как Кораморов быстро усвоил язык пролов и их повадки, а студентам это не очень нравилось. Однако Силыч упорно продолжал посещать Общий Дом университета (в основном, по женскому вопросу). Случайно встретившись там с Гарри, Федор был сразу же сражен интеллектом создателя. Он уважал силу в любом ее проявлении и потянулся за Наркизовым, как за сильным духом. Создателю такой Силыч был просто необходим.

Сокурсник Гарри Шутягин был помешан на музыке. С 6 вечера до глубокой ночи Женя сотрясал общаговскую кухню своими пассажами на гитаре, так как именно туда выгоняли его немзыкальные соседи по комнате. Изредка Шутягин обращался и к поэтическим штудиям, часто думая, отчего в жизни все так пошло, а музыке и поэзии – совершенно. Евгений никак не мог дать точного ответа на столь солидный вопрос. Златокудрый, стройный и голубоглазый, Шутягин мог бы пользоваться колоссальным успехом у халатообразных общаговских девушек наилегчайшего поведения, но упорно их игнорировал. Принят он был и в среде поэтов-морданистов Юника, но их "поэзовечера" обычно заканчивались жуткими попойками, и музыкальный Шут с некоторого времени бежал их. Видимо, все это и стало причиной его неожиданного появления в явно немзыкальном кружке Наркизова.

Захар Петрович Думов попал на филфак университета через инженерный корпус. Два года изучения чертежей в Билибинском вузе убедили его, что не "боги дома обжигают", но и ему это вряд ли удастся. Он вернулся, подавленный столичной жизнью и необходимостью вечно бороться за свой кусочек хлеба. Думов был славным малым, хотел прощупать Жизнь до пульса, который в ней якобы бьется, и оказался в Круге как-то сам собой – без всяких усилий со стороны создателя. Его честное преданное лицо с карими глазками и стоящей ежиком челкой, внушительный вид спортсмена (Дум занимался борьбой в секции борьбы Юника) и хорошие отношения со многими студентами привлекли дальновидного Наркизова.

Притащился в Гаррино сообщество и некто Маэстрин, местный рок-исполнитель со странным именем Самсон. Он был худ, как стебель лопуха, имел тренькающий голосок, отдаленно напоминающий козлиное мычание, и носил коротенькую бороденку, которую беспрестанно поглаживал, торча на всевозможных гопнических концертах. Маэстрин собирался затянуть в свою бедную талантами студенческую рок-группу с претенциозным названием "Омерзение" гитару Шутягина и решил использовать для этого последний шанс, войдя в запретный Крут. Последним человеком, вступившим в организацию Гарри, был Вячеслав Ласаль, сокурсник Наркизова и Шутягина, но местный житель. Это был симпатичный молодой человек лет двадцати, любивший совать свой нос в любые дела, пусть и опасные. Славик, как его звали буквально все на филфаке, имел чудные выющиеся волосы черного цвета, достаточно высокий для людей его нации рост, худое, как у девочки, строение тела и выдающиеся способности заводить знакомства. Славика представил создателю Шутягин, они переговорили, и... Гарри его в расчет не брал, но для количества принять согласился.

Набрав семерых соратников, Гарри Наркизов почти успокоился. Почин есть, а остальные **пять** сами прибегут, еще просить станут! Создатель любил фантазировать: для хамского

городка он уже готовил подобающую тому участь... Но то ли Город не знал об этом, то ли не мог уже вмешаться.

В общем, начиналось все замечательно.

Записки Аборигена (из городской Летописи)

...Наш городок, хотя и небольшой, но известен своей репутацией курортного. Три озера чудесных рядом, поля бескрайние, леса еловые, шишки сосновые. А тут еще Университет образовали, хотя и незачем вроде! Город имеет несколько предприятий обычного типа – большой металлургический завод, РМЗ, кондитерская фабрика да другие фабрики государственные, краеведческий музей (он на ремонте обычно), с десятков контор, где ихние работники деньгу гребут. Есть две библиотеки, три-четыре питейных заведения (пивбар «Звездочка» посетить рекомендую!) и множество школ, садилов да три профессиональных училища. Лет двадцать назад трамвай запустили: а к чему его – неизвестно... Белый дом для красоловов обосновали, да еще университет этот, тьфу!

Улицы у нас типичные – два проспекта да с десятков остальных, где двое на двое не разойдешься. Здания обычные – современные коробки да сталинки кирпичные, площади у нас две, и те – площадь Лысого Геня да площадь Красоловская. Особых досто-примечательностей в городке, кажется, и вовсе нет! А нет есть! но о ней и говорить-то не стоит.

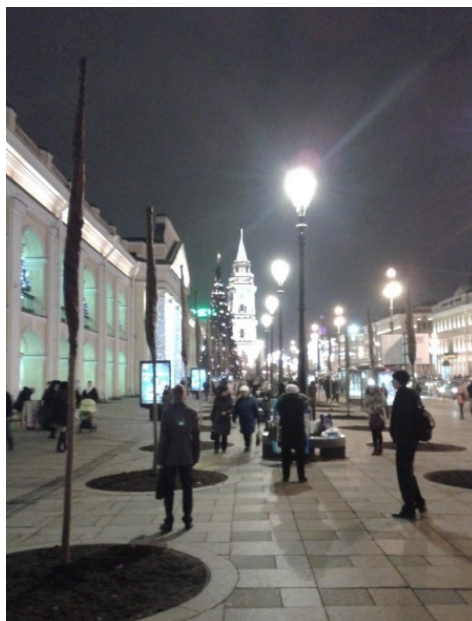
Так и живем тут, маемся... Зимой – скука да рыбалка. Летом – раздолье: три озера, леса с грибами и ягодками, сады да огороды, эх-ма! Люди в массе своей хорошие, спокойные... Мы университетов не кончали, так по нам, что есть – и хорошо! Колхозы – хорошо, Завод с трубами вонючими – еще лучше, заработали пенсион за сорок лет – и лады... Начальство, конечно, подкачало, ну так везде, ась?! Есть у нас и дурачок местный – Савлом звать, говорят, из дворян! слышь ты... При красоловах-то, видать, он и подвинулся: живет один в доме удаленном, ни с кем дружбы не водит, зимой в трусах бегает, на людей волком смотрит. Ну, да и Бог с ним, нас-то его жизнь не касается совсем.

Зато здесь у нас Жил и Трудился, теперь больше – наездами, наскоками, так сказать, великий пиит русский (он и романчики пишет) Иван Евгеньевич Шупкин! Нагрел он своими поэмами да стихами достаточно, мозги людям запудрил, неудовольствие вызвал у нас (народа, то есть!)... Но теперь, эх, в Большие Люди, в Москву пробился, а, стало быть, какой с него спрос? По его-то велению, говорят, университет в нашем-то простодыром Городе и обосновали... Правда, фундамент жиденький был, Завод денег не давал, да и люди не хотели: чего еще? с каких щей это? Но Шупкин нажал, и дело обделалось. Дело-то пошло, но по нам и вовсе бы этого заведения не было. Однако, кто ж ныне с умными головами (пусть и не университетскими) у нас Совет теперь держит?

Впрочем, приток людской в Город получился богатый: люди неглупые и наоборот понаехали, кого-то аж из Столицы позвали, а кто-то без зову явился, да и зацепился! Столовку при Университете открыли: всех туда пушают, а цены – божеские. В общем, все б неплохо – Ректор там с головой и машиной иностранной, лаборатории современные, оборудованье иностранное... Но студенты-то – ох да эх... Сначала ничего себе были: люди как люди, да и своих напринали (Фрола Пахомова дочка, дуреха, и та поступила), а вот после! Приехали такие, что и не приснятся... делали такое, что и не привидится... Людям-то простым и скромным!

Но тут уж власти наши за дело взялись (лично Леонид Сергеич на контроле держал), и приутихла буря-то, уняли ее. Выгнали в шею смутьянов-то, кого-то и закрыть пришлось, вот как! Покой у нас наступил... Лет пять лихо проскочило. Университетушко с Городом нашим сжился, породнился даже (дочка-то ректорская за сынка нашего заводского директора Ныркова выскочила).

А люди к нам в Город приезжали и уезжали, а ум-то свои оставляли, и много ума стало – хоть палату им набей...

Глава 2. Круг

"И возьмем на себя грехи их, а нас они будут обожать, как благодетелей, понесших на себе их грехи перед Богом..."

Ф. Достоевский

1. Дни Гарри

После нескольких дней обучения в университете, студентов и некоторых молодых преподавателей по доброй, освященной годами Великой власти традиции депортировали из тесных аудиторий с низкими сводами под широкие небеса осенних колхозных полей. Студенты возмущались, некоторые даже матом, но "приказ есть приказ!", и они подчинились ему... Погрузившись со своим немудреным скарбом на выделенные для этой цели автобусы, прекрасные дети страны Роскомреспы поехали именно в то место, куда послала их страна, Красоловская партия и лично ректор Протухов Илларион Борисович. Там, в бараках, мало приспособленных для проживания, студенты должны были жить, готовить пищу и совокупляться весь славный месяц сентябрь – месяц остывающей любви и холодных ночей. Руководство же университета приступило к не менее тяжким обязанностям по сбору урожая на собственных полях и огородах.

Итак, пока доблестное студенчество грустно вкалывало на полях державы под лозунгом: *«Колхозникам помогай, чтоб быстрее собрать урожай!»*, Гарри Всеволодович отдыхал. Наркизов почему-то никак не отреагировал на грозный призыв юниковского начальства и лихо проигнорировал личное распоряжение декана Титоренко, которое секретарша Ирочка вывешивала, как и полагается, на видном месте третьего этажа университета. Создатель решил хорошо "отдохнуть" перед предстоящим Делом. Он жил почти анахоретом, "вставая рано утром...", но не летом, и на велосипеде красного цвету отправляясь на озеро Бечару, расположенное неподалеку от города.

Сентябрь был на редкость неоднороден: то хлестали дожди, то было жарко и ярко, так что создатель мог выбирать. В холодной уже воде Бечары создатель плескался минут пять, после чего скоро выскакивал на берег и растирался коричневым мохнатым полотенцем, висевшим обычно к этому времени на руле его красного мустанга. Потом, тщательно выжав плавки, Наркизов слонялся по прибрежной косе, обдумывая ближайшие планы. Большинство из набранных им круговцев «отдыхало» в колхозе, лишь Вове Мачилову удалось увернуться, сославшись на "больные" почки. К Фedyке Кораморову создатель заходить не любил: тот жил тесно и душно. Поэтому составление общего плана первого заседания Круга целиком ложилось на твердые плечи гордого пророка, непонятно какой, правда, идеи.

Валяясь на мелком прилипчивом песке приозерного пляжа, Гарри с интересом наблюдал, как маленькие черные муравьи легко разымают на части жирного сильного овода без крыльев, предусмотрительно оторванных создателем. Не так ли и гений, стоящий тысяч маленьких никчемных людишек, оказавшись без "крыльев Господа", может быть уничтожен горсткой их?! Наркизова весьма занимало это страшное обстоятельство. Затем создатель вставал, одевался и выводил на прибрежную дорогу верный ему велосипед: *«Вывожу один я на дорогу...»*. Проезжая с ковбойским видом по сему пути, Гарри и здесь не упускал возможности подумать о судьбах заброшенного человечества. Приехав в Общий Дом, создатель сдавал велосипед на хранение тете Клаве за еженедельную трешку, принимал душ, ежели была вода, и валился на разобранную постель.

"Гай Марий, Цезарь, Наполеон, Гитлер, Вовочка..." – летали по комнате его беспокойные мысли. "Но кровь? но мясорубка истории? но сотни тысяч покалеченных жизней?!" – вставляли

перед ним всегдашние обратные вопросы. "Ну и х... на них! Значит, ЭТО было необходимо Ему..." – Создатель взлетал с постели, но, осмотрев свой лунный лик в зеркале, успокаивался. Так текли однообразные дни создателя, дни ожидания.

Иногда Наркизов навещал Мачилова – в основном, по бытовым вопросам. Ведь в ту далекую эпоху в Роскомреспе и за деньги ничего нельзя было купить: магазины гордо пустели своими полками. Мачилов, имевший обширные знакомства в Городе, помогал создателю с "мясцом и колбаской", никогда не забывая, впрочем, прикарманить сдачу в таких случаях. Моча всегда интересовался будущим "делом-с", но Наркизов не спешил раскрывать ему все карты. Благодаря частым посещениям создателя, Мачилов превратился в занятнейшего собеседника: "С умным человеком и поговорить любопытно". Отрешение к росту, заложенное в любом человеческом существе, даже самом паршивом, проявилось и в отчаянном бездельнике Мачилове. Чтобы окончательно прояснить отношения, создатель решился в одно из посещений дома Мочи пойти на "откровенность".

Это случилось в прокуренной комнатенке старого двухэтажного дома, где Моча единолично обитал, в отличие от остальных членов своей немалой семьи, которых создатель, как ни пытался, так и не мог точно запомнить. Наркизов грозно предложил Моче раскрыть свои "идеалы" в ответ на какое-то пошлое замечание последнего о жертвах революции. Владимир Ильич покрутил хвостиком, но беседу поддержал: он, вообще, был мастер поддерживать те разговоры, предмет которых ему не были знакомы абсолютно.

– Потеря Идеала, у нас? – изумился Мачилов вопросу создателя.

– Верно, Вова, верно!

– Как же это, мля? Мы же, русские, всегда, это... с идеями.

– Тысячи, миллионы людей в истории только и делали, что мучили, убивали или распинали своих же кумиров! Потом они же обожествляли их, преклонялись перед ними, а старых своих идолов – уничтожали!

– И бога-с? – уточнил Мачилов.

– Самого Бога избежать трудно, невозможно, Мачилов... – нехотя прояснил создатель. –

Подобие Бога, да!

– Иисус... – протянул прозревающий все больше Мачилов.

– Точно, Мачилов. Именно он и его братья – Цезарь, Наполеон, Лысый Гений...

– Его-то не надо бы вспоминать! – струсил Мачилов.

– Увидите: придет время, и не достойные его твари будут требовать убрать его постаменты! Его еще станут попирать ногами те, кто всю свою жизненку славили его... Но все это наступит после...

– После, мля, чего? – Мачилов перетрусил окончательно.

– После нашей с тобой работы...

– Господи... – Мачилов скривил рожу и легко пробежался по комнате.

– Не беспокойтесь, все будет чистенько! – улыбнулся такой реакции Гарри.

– И зачем я влез в вашу организацию... – проговорился Мяча, став бледным, как рафинад.

– Вы, Мачилов, конечно, еще можете выйти из Круга, но предупреждаю Вас... – покачал пальцем создатель, переходя на официальный тон.

– Я пошутил, продолжайте! – взвизгнул Володя.

– То-то, смотри у меня! – создатель, как кошка, потянулся в креслах.

– Пойдете? – осторожно спросил заблудший Мачилов.

– Из дому гоните?

– Поздновато уже, темно, осень... – Моча старался спрятать искаженное страхом лицо.

– Ах, поэтому? – Гарри встал и закурил сигарету.

– Видите ли, Гарри, мои уже спать ложатся, – залезил Моча. – Просто...

– Все будет очень непросто! – неторопливо докурив и бросив окурочек на тарелку Мочи с недоеденным салатом, Наркизов тихо удалился.

С приездом из колхоза двух членов Круга – Тассова и Шутягина – дело завертелось веселее. Создатель навестил Тассова в его общаговской комнатенке, которую тот делил на пару с музыкантом из «Омерзения» Стасом Хаминым. Бас-гитарист Хамин, невысокий крепыш с ярко рыжей бородкой, долго не хотел покидать комнаты, ссылаясь на какие-то конспекты, которые он должен был переписать до утра. Ни уговоры Тассова, повредившего ногу и не могшего самостоятельно выйти к Гарри, ни тонкие намеки Наркизова так и не помогли. Тогда создатель, разозленный неуместной задержкой, был вынужден просто вытолкать в шею Хамина из его же комнаты с предложением подучить конспекты на кухне.

– А вы, однако, не теряетесь, Наркизов! – воскликнул потрясенный Рома.

– Было б перед кем! – сказал, отрясая испачканные руки, создатель. – Скотина этот ваш рыжий музыкант, честно сказать.

– Да уж, есть немного! Так о чем же Вы хотели со мной побеседовать?

– О деле, Рома о нашем деле...

– А вот, уважаемый Гарри Всеволодович, попрошу без фамильярности...

– Понял! я понял, – усмехнулся создатель. – Держим дистанцию по жизни?

– Сходятся сразу только родственные души, – поучительно заметил Тассов, – а мы с вами...

– Мы с вами, как Раскольников со Свидреном, не так ли?

– Почти что так...

– Ну, так что же? – создатель уселся на стул возле постели Тассова и закинул ногу на ногу.

– Просто можно и нужно уважать свободу других! – Тассов удобнее устроился в постели, выставив, как весомый аргумент, краешек своей перебинтованной ноги из-под одеяла.

– Зачем же ее уважать? – Гарри явно наслаждался беседой.

– Как это зачем? Чтоб не нарушали вашей собственной...

– И как же это связано? – создатель подождал ответа и продолжил свою мысль. – Вы вот можете всю жизнь уважать других, но ничего, кроме презрения, от них не дожидаться. Другие же, гораздо ниже вас, всю жизнь унижают собратьев и заслуживают "вечную память" потомков, разве нет?!

– Достоевщина в чистом виде... – махнул Тасс рукой.

– Закон, конечно, следует блюсти, но людишек при этом тиранить! – создатель не среагировал на замечание Тассова.

– Нет, Наркизов, не так! – Тассов даже снял очки, блеснув глазенками.

– А как? Вы ведь не в Европе живете, а в Роскомреспе...

– Пока тут еще нет Свободы, поэтому нет и счастья!

– Счастье – категория относительная, а ваш пример с Европой не совсем удачен. – Создатель положил голову на пальцы своей правой руки, стоявшей на колене. – К тому же сейчас есть две Европы: красная и... уже почти цивилизованная.

– Пусть, бог с примером! Главное суть...

– А суть-то – в подъезде, знаете этот анекдот? – шутканул Наркизов.

– Разве вы, Наркизов, не желаете Свободы каждому, может, Вы ее хотите только для себя? – взбеленился Рома.

– Нет! Бездумным людям свобода даже опасна, – создатель тоже стал серьезен. – Пролы захватили власть в этой стране в 1917-м и уже 70 лет никак не хотят отдать ее. А мы поможем им это сделать, и даже Главный – с нами...

– Главный с вами? Вы уверены? – Тассов побледнел. – Но наш Михаил желает свободы для всех, в этом я убежден...

– Он и сам далеко не свободен, рабство здесь у людей в крови.

- И у вас?
- А я и не Отсюда, – создатель сжал губы, лицо его стало несколько похожим на средневековую фреску. – Я пришел дать...
- Полной свободы, разумеется, нет, – перебил его Тассов, – об этом и Маркс еще говорил.
- Эх, Рома... Вспомнили старого дондона!
- Я, как философа, его очень ценю: он не чета Лысому гению...
- Потому что других вы, Роман, не читали, – Гарри поежился. – А то бы по-другому мыслили.
- А кого это? – Тасс принял оборонительную позу и, случайно задев больную ногу, завизжал.
- Не больно? ну-ну... А вот Володю Соловьева, Бердяева, или еще лучше – Платона, Макиавелли, Плутарха...
- Бердяева, Макиавелли? – Тасс озаботился. – Где ж их тут взять?
- В Столице будете, зайдите в Ленинку и прочтите...
- Хорошо, загляну...
- Только и в них разочаруетесь, – Гарри встал и принужденно зевнул. – Много лишней болтовни.
- А где ж дело?
- Цезарь, Наполеон – к примеру, да и Сталин...
- Так вы – в наполеоны?! – прояснил лицом Тассов. – Понятненько!
- В хамелеоны, – улыбнулся создатель.
- Вот-вот! – обрадовался Роман. – А люди вам нужны для пробы, как у Раскольникова, да?
- Бели Берда, – сказал резко Гарри. – Слышали о таком философе?
- Не уходите от ответа, Наркизов, – возмутился Тассов.
- Мне пора... На Круге я все проясню, – Гарри подошел к двери. – Приходите!
- Подумаю! – Тассов успокоился.
- Смотрите! Я вас уже записал в список, – отметил создатель.
- А вот это лишнее! Вычеркните немедленно, – Рома попробовал встать.
- Уже записано, – создатель развел руками. – Попробуйте-ка теперь не прийти!
- Ого, да вы просто второй Иосиф...
- Премудрый! – создатель, махнув рукой на прощанье, вылетел за дверь, сильно пристукнув ею подслушивавшего Хамина.

С Евгением Шутягиным Гарри говорил уже намного осторожнее, памятуя об относительной неудаче с Тассовым. Впрочем, создатель знал, что люди легко относятся к словам и не делают надлежащих выводов... Но все равно надо было быть осторожней, некоторые обстоятельства говорили за это.

– Мне нужно идти, Гарри, давайте быстрее! – торопил создателя Шутягин, чуть не силком затащенный в комнату 713.

– Да, Женя, да! – Гарри усадил гостя на единственный стул, а сам плюхнулся на кровать. – Очень коротко, но серьезно.

– Итак, – Шут присел, положил на колени гитару и изготовился слушать.

– Ты, кстати, можешь исполнить на этой, балалайке что-нибудь? – Гарри указал на Шутягинскую гитару.

– Это не балала... это гитара! – чуть не оскорбился музыкант.

– Так сможешь или нет?

– Смотря что именно? – Женя с ходу взял минорным аккорд.

– Не сейчас, – поморщился Гарри. – Мне нужен гимн для нашей организации, понимаешь?

– Я играю только серьезную музыку, даже в колхозе – ничего пошлого...

– А что гимн – это несерьезная музыка? – изумился создатель.

– Гимны никогда не играл, – ответил Женя.

– Ну и ладно! учишься, – Наркизов выдернул из рук Шутягина гитару и положил возле себя. – А можно тебе славный вопрос задать?

– Валяй-те, Наркизов!

– Евгений Саньч! – Гарри проследил за реакцией Шута, сразу покрасневшего от удовольствия. Создатель давно заметил, что самолюбые обожают такое обращение, да ж любому разговору в этом случае придается некоторая значительность. – Чем, на ваш просвещенный взгляд, отличается человек талантливый от Гения... Гениальный Бах от какого–нибудь Пака?

– Пако де Люсия! – взвился Шут. – Очень просто: отличается степенью признания, один уже признан, другой еще нет!

– Помилуйте, Женя! – сменил обращение создатель. – Сколько гениев при жизни не признавались, а сколько бездарей считалось гениями?! Эдгар По, Рембо, Китс – к примеру.

– Рембо – это американский актер? – Шутягин показал знание запретного видео. – Так он лишь у нас не признан, а на Западе...

– Да уж, – погрустнел создатель. – Итак, вы сейчас не признаны, но уровень ваш – возле Баха, не так ли?

– Баха, конечно, нет! Но вот уровня Гребня я давно достиг!

– А уровня Расчёскина?

– Кого? Ну, хватит, – Шутягин почувствовал, что над ним издеваются. – Так вот о нашем деле!

– Мне представляется, что талант – это возомнившая о себе тварь человеческая, с опытом и техникой, и признанием там... А гений – это посланец Бога, а? – Гарри даже привстал при этом.

– Нет, не так! – Женя, впрочем, не совсем понял, почему он не согласился с создателем.

– А как? – спросил Гарри.

– Гребень – в Лысом Граде, а я вот тут! Где же справедливость?

– А-а, вот она причина?

– Тут ничего в музыке не смыслят! Поэтому я и не признан по-настоящему, – закончил тираду музыкант.

– По– моему, Вы многое навоображали о себе!

– А вы что же – гений? – взвился Шутягин.

– Я, да! – спокойно сказал Наркизов.

Воцарилось неловкое молчание. Слышно было лишь, как соседи Наркизова, студенты из дружественной южной республики, с взвизгами раздевают очередную девицу, по пьянке угодившую в их лапы.

– Эй, чурки, хватит! – создатель треснул кулаком по стене. Взвизги временно прекратились.

– Зачем же тогда вам Круг? Раз Вы такой?

– Я, Шутягин, проявляю простую заботу о людях, понятно?

– Что же вы им дадите? – замигал Шут.

– То, что им следует дать! – сказал Гарри. – И именно Вы мне должны в этом помочь.

– Чем же: сочинением гимнов? – улыбнулся Шутягин.

– Пока хотя бы этим, после я это проясню...

– И когда же? – спросил Шутягин.

– Уже очень скоро. Черед неделю, никак не позже. Пока гимн пишете!

– Сам? – прояснил лицом Евгений.

– Кому ж, кроме Вас? Мачилову что ли? – и оба собеседника счастливо расхохотались.

Остальное в организации Встречи-с было делом техники. Гарри подключил к работе Маэстрина: появилась комнатка в подвале Общего Дома. Вова Мачилову было дано партийное поручение – обучиться игре на барабане. Думов обеспечивал легкую закуску, а Силыч – спиртное и курево. К седьмому октября все было готово к Первому Заседанию. Создатель назначил час...

2. Встреча– с

...Барабан стащил где-то Мачилов. Пока собирались круговцы, а Гарри, – углубившись в конспекты, сидел за старым столом» изрезанном ножами и ручками, Вова усиленно репетировал что-то героическое в углу грязной, заваленной всяческим хламом комнатенке, куда лишь по большим праздникам заглядывал скромный луч синего солнца. Единственное окошко комнаты было наполовину закрашено в синий цвет. Самсон Маэстрин сидел тут же и усиленно репетировал на баррокассах, хотя никто и не просил его об этом.

Подошедший Шутягин отобрал инструменты у "музыкантов" (Моча немного сопротивлялся) и сказал, что гимн для мероприятия еще не готов. Наркизов выматерился, но настроение его ничуть не испортилось. Вскоре появились подтянутый Захар Думов со спортивной сумкой через плечо, заезженный любовными интригами Лассаль с любопытствующим видом, всегда мрачный Силыч с каким-то темным пакетом... Последним человеком, переступившим порог комнаты, стал Роман Тассов с томиком Платона в руках. Круговцы по указке Мачилова разместились на неравномерно отстоявших друг от друга стульях и скамейках, расставленных полукругом от стола с усевшимся там создателем. Гарри поднял согнутую в локте правую руку: все разом смолкло. Тишина, впрочем, продолжалась недолго: Гарри махнул рукой, и всеми забытый Мачилов принялся изо всей силы лупить по барабану какими-то сомнительными палочками. Шум, заполнивший комнатенку, с каждой секундой становился все нестерпимей.

Шутягин, не усидев, подскочил к Моче, но тот, сделав зверское лицо, оттолкнул Шута в сторону, продолжая "игру". Тассов встал и направился к выходу, Федька сидел с совершенно потеряннным видом. Довольный достигнутым эффектом, Наркизов сделал знак Моче прекратить. Вова положил барабан на стол и преданно уставился на создателя.

– Вернитесь, Тассов! – крикнул ему Наркизов. – Это всего лишь начало.

– Предупреждать надо! – Роман остановился и с сожалением вернулся на место.

Остальные круговцы также потихоньку пришли в себя. Создатель встал и, посетовав на отсутствие более пристойного помещения для заседания и более пристойного "барабанщика движения", начал выступление.

– Господа! Вы прекрасно, знаете причину, всех нас здесь собравшую! Может кому-то не понравилось начало, а? Но это лишь отражение того дикого бардака, который творится сейчас в нашей многострадальной России, которая даже истинное свое имя сменила на Рес-Ком-Респ! (*Круговцы облегченно вздохнули.*) Сегодня, господа, мы стоим у истоков спасения нашей великой державы, и мы призваны спасти ее от банды красоловских холуев и охровских убийц! (*Круговцы вздрогнули: о тайной охране государства ОХРе так говорить было весьма опасно.*) Мы обязаны теперь без лишней болтовни перейти к Делу, к тому великому делу, которое изменит суть происходящего в нашей стране. И на всех нас теперь лежит большая ответственность!

– Перестаньте, Наркизов! – крикнул с места Тассов. – Это демагогия...

– Молчать! – сбил его порыв Силыч. Наркизов продолжил.

– Я приехал к вам из Столицы, как вы понимаете, не случайно. Там всем уже ясно, что Генеральный Красолов, Мишаня, решил кончать с Красоловской партией и еще упирающи-

мися красами! Мавр сделал свое дело... Скоро по стране пройдут аресты видных красов, будет зачитано обращенище к народу, в котором...

– Ложь, все это ложь! – снова взвыл Тассов с места. – Не верьте ему...

– Главный выступит "в защиту народа", и в три дня все будет кончено. В три дня! На место красоловов придут новые люди – без всякой идеологии, но с мыслями о Свободе и Демократии! Сядь ты, Тассов, не прыгай! И тогда мы с вами можем оказаться в их числе, если не зевнем. Теперь же надо объединиться в Круг и делать все, что скажу я! И все это – для спасения нашей Великой России и ее светлого будущего...

– Не смейте, не смей меня трогать! – визг Тассова прервал речь Наркизова. Силыч тем временем обхватил толстого Рому за шею сзади и теперь спокойно душил его на глазах у всех.

– Отпусти его, Федька! – Создатель махнул ему рукой и даже сделал вид, что спускается с трибуны. – Где ж ваша воспитанность, Тассов: говорить совсем не даете, кричите с места!

– Говор-хите, что хотите, – сел на пол Тасс освобожденный. – Дайте мне уйти.

– Убирайтесь, раз так! Но о слышанном здесь никому ни слова, – грозно напутствовал его создатель.

– Я не скажу, – подавленный Тассов задом пробирался к выходу. – Только знайте, что вы все...

– Брысь! – вдруг взвился прежде спокойный Мачилов ненавидевший Романа за многое. – Брысь отсюда, падла!

– Проводить тебя что ль? – спросил Рому севший было на место Силыч.

Тассов махнул рукой и, подняв книжку, оброненную в жаркой схватке, открыл дверь комнаты. Маэстрин и Шутягин обменялись потерянными взглядами, Лассаль застыл на месте с испуганной физиономией.

– Итак, наша задача – создать боевой Круг с самыми широкими полномочиями. Пока же приступаю к чтению основной части доклада... Что вам еще, Тассов?

Тут все заметили, что Тассов продолжал стоять в открытых дверях, при этом он делал какие-то знаки Шутягину. Силыч поднялся и пошел к нему с самым решительным видом. Роман прокричал: «Наркизов, дайте мне сказать напоследок!»

– Толстый, пшел вон! – указал ему на дверь Кораморов.

– Почему же, Федя, мы люди культурные, – улыбнулся Наркизов. – Давай, говори, Ромка!

– Я обращаюсь к вам, ребята, – затараторил Тасс. – То, что вам предлагают, форменное безумие! Ничего такого не происходит, все ложь... Вас просто толкнут в лапы ОХРа, вот и все!

– Заткни хайло, толстый! – сказал вдруг Думов, прежде спокойно следивший за всеми событиями. Гарри улыбнулся.

– Теперь вам, Гарри Всеволодович! – Тассов уставился на создателя, тот убрал усмешку. – Вы авантюрист, я вас расколол! Для своей цели вы не пощадите никого. Вы тот же Раскольников, но страшнее...

– Достоевщина это, блевота, – только и хмыкнул Гарри.

– Да, Наркизов! Но вы должны понять, что такой трюк в нашем Городе не пройдет! Вы сами мне говорили, что здесь – одни рабы, и это так! Они же вас, эти рабы, и распнут! Потом...

– А я – распятый! – тихо сказал создатель.

– Что-о?! – Тассов с искаженным лицом икнул и пропал за дверью, так как Силыч был от него уже на расстоянии вытянутой руки. Оставшиеся в недоумении переглянулись. Маэстрин пощипал бородку и стал тихо пробираться поближе к выходу.

– Может ушибить его? – поинтересовался Силыч. Не дождавшись ответа, он достал сигарету и закурил. – Не сболтнет налево?

Гарри расправил свои длинные черные волосы, протер тыльной стороной указательного пальца глаза и, ничуть не смущаясь, продолжил. Круговцы в некотором оцепенении слушали его.

– Нужно сразу же сказать, что развитие человечества наконец-то зашло в окончательный тупик безысходности... Что мы видим теперь в нашей стране? Крохоборствующее движение Наверх, где привилегии и относительная власть

над людьми, и безысходное по тупости существование в Низу общества, где пьянки, вечный треп и безделье! Люди деятельные и неленивые стремятся к первому, другие довольствуются сидением в болоте... Народа же в целом никогда не существовало, это абстракция. Понятно?

Былая Красоловская идея, цементирующая прежде нашу страну, давно не существует в сознании масс: в нее никто не верит! «Русский народ патриархален», – как заметил наш писатель Ваня Тургенев. Ему все равно, кому поклоняться: царю ли, Лысому ли гению, теперь – этому ничтожеству Главному! (*Круговцы вздрогнули.*) Дай ему полную кастрюлю с харчами да пошла до небес, и этого довольно! Нашего собрата не интересует Истина и Справедливость, его интересует собственное набитое брюхо и возможность набить его завтра! Такова истина... Особенное место занимают у нас "анчилигенты" – люди образованные, но абсолютно безвольные, и часто бездарные! Какой только мрази не набилось за годы Роскомреса в «народную интеллигенцию», и теперь эта мразь разложила ее окончательно. Именно она с удовольствием обслуживает вот уже семьдесят лет власть хамья в нашей бедной стране! Только у нас так попирались истинные гении страны: сочтите, сколько их сгноили в лагерях дедушки Иосифа... Чего заслуживает такой народ и такая интеллигенция?!

Круговцы, все до единого, повскакали с мест, Шутягин заломил руки, Моча, напряжив бицепсы, прихлопнул в ладошки, лицо Федьки налилось кровью. Создатель, сделав паузу, продолжил свою речь.

– Они заслуживают своей жалкой нынешней участи, и другой не будет! Пока они... вы все не изменитесь! Понятно? Мое веское убеждение, мое кредо – человеком любой нации правят три основных инстинкта: **инсайт** – самосохранение, забота о потомстве; **дирайт** – саморазрушение, революции и войны; **либидо** – любовь ко всему, самовыражение человека в искусстве и в религии! Больше в природе человека нет ничего... нечего и искать! Вы спросите меня, что делать Вам – измученным и заблудшим? Я отвечу честно...

Вы, и только Вы должны стать апостолами Новой веры, нашей общей веры! Пока вы неофиты, она спасет вас от лжи... Нужно довести до заблудшего нашего народа всю безграничность наступающего Отчаяния! Когда брат

кинется на брата, а друг предает друга! Когда... Но, может быть, мы еще спасем их от этого... Итак, ваша вера – Свобода! Ваш кумир – Власть лучших среди равных! Ваш пророк – я, создатель!

Окончание речи Наркизова потонуло в восторженных возгласах: круговцы демонстрировали ему свою преданность, Мачилов в исступлении лупил в свой барабан, даже Славик Лассаль, казалось, поверил в Идею... Думов обнимался с Шутягиным, а Силыч в эту минуту был готов уничтожить кого угодно, если б создатель велел ему это. Наркизов, скрыв змеиную улыбку, отошел от импровизированной трибуны и некоторое время наблюдал за своими подопечными. Лишь хмурый лик Самсона не очень понравился Гарри. Он снова сделал римский жест, все стихло.

– Хватит бесноваться! Мы еще ничего еще не сделали, чтоб так радоваться. Сейчас каждый из вас получит жетон с гербом Круга – это будет нашим опознавательным знаком. Еще надо расписаться тут – в одной бумаге. Потом, каждый получит поручения...

Слова создателя несколько охладили пыл собравшихся, но каждый покорно подошел к столу и принял из рук Наркизова круглый кусок картона с изображением евангельского креста, где вместо традиционной перекладки был изображен пересекающий крест меч. Затем они поочередно расписывались в какой-то тетрадке, где стояли их фамилии с домашними адре-

сами. Процедура эта не слишком обрадовала новоиспеченных «круговцев», но многие из них в какой-то миг утратили способность самостоятельно мыслить. Впрочем, далеко не все...

Самсон бежал быстрее лани... Сознание того, что он чуть было вместо своей глупой рок-музыки не оказался в роке жизни, придало ему удивительные силы. Мачилов и Кораморов, бросившиеся за ним следом, скоро возвратились ни с чем: Маэстрин знал общаговский подвал, как содержимое собственных трусов. Шутягин тут же поручился за молчание Маэстрина, но ему не очень-то поверили. Создатель, однако, успокоил своих "зайчат":

– Хорошо, что сейчас удрал! Потом было бы уже поздно... Так, от двух иуд освободилась, что же... Новых, надеюсь, не будет?! – на его риторический вопрос все тускло промолчали. – То, что я скажу сейчас, не должны слышать другие – иначе смерть! Итак, три основных задачи на текущий момент таковы: первая – пока Главный готовит переворот, давить на местную власть, делал ее потихоньку "нашей"; второе – постепенно внушать наши идеи народу, пусть и туповатому; третье – активно вербовать новых сторонников Круга – в основном, из студентов. Эти всегда готовы влезть куда угодно, только б не учиться... Всем понятно?

Все молчали. Мачилов кивал, отчаянно ковыряясь в носу, Шутягин и Думов согласно кивали в такт словам создателя, Лассаль аккуратно пожимал плечами, и лишь Федька преданно смотрел на Гарри и что-то загадочное, но явно солидарное мычал.

– Сейчас каждый получит индивидуальные задания, исполнить их надо за две недели... Вопросы?

Вопросов не последовало. Каждый по очереди подходил к Наркизову и получал какие-то устные инструкции и пакетик с посланием. Затем все встали в дверях и с лицами, полными ожидания, вперились в лицо создателя. Гарри улыбнулся, махнул рукой и тепло попрощался с собравшимися.

Записки Аборигена (из городской Летописи)

Что-то в последнее время жить жутко стало: то убьют кого-нибудь, то еще хуже – снасируют... Молодежь, в основном! Да и по стране нашей, какие дела творятся! Там главу Совета сняли, там – сам сбежал, там мафию раскрыли – ужас! При Иосифе бы свет Виссарионыче за такие бы дела лет 10 строгаца дали, а то и пришлепнули бы... А при нынешнем-то Главном, тьфу, свободу вишь они почуяли! Веры-то прежней нет, за которую мы кровь свою и чужую лили, вот и колобродят. Еще Бровеносец предупреждал: не давайте, мол, красоловов в обиду, вам же хуже будет! Не поверили, гады, в клоуны записали. А нынешний Миша – ну не клоун ли? Болтун он, да и только...

Слухи по нашему Городу поползли: приехал какой-то Друг народа, что ль? и перестраивать жизнь тут будет. Врут, наверное, кто ж по своей охоте к нам поедет? Но фамилию даже называют: Нурпеисов или Нарциссов – татарин, словом! Ну, ничего: благо, что не жид... Вот Боря Годунов тоже татарин был, а каких делов понаделал... По слухам, полномочия ему сам Главный выписал, потому и трогать его наши власти пока боятся.

А на Заводе-то нашем, где полгорода впахивает, рабочие митинг собрали: мол, платят мало, добавить надо... Да Охрана за дело взялась: разогнали митинг ентот! А то, дай им, работягам, волю, совсем обнаглеют. Глава-то наш даже в Губернию смотался – войска, говорят, просил... Дадут войска, ворюге, как же! Да и в Столице как-то беспокойно: какой-то видный красолов, Соснин вроде или Ёлкин, бучу там учинил, с Мишей-главным взял и поругался просто так. Так его, болезного, говорят, взяли с моста и скинули! В больнице теперь американской лежит, колбасой ихней и бананами лечится... А чего – не лезь, где опасно. Так-то!

Ну а Нурпеисов этот... чего хочет-то? Чтоб поверили ему, али как? Чего он тут появился-то? Теперь, в кого хочешь, у нас поверят! Наобещай народу колбасы, да мяска подбрось, да

со спиртным не препятствуй... Вот и поверили, и облекли доверием! Хоть черт с неба сейчас шлепнись да все пообещай – за чертом пойдут, еще как! Бегом двинутся...

Жизнь-то вообще гадкой стала – в магазинах наших шиш с маслом, на рынке к ценам не подойдешь! С квартирами так ничего и не решилось! Пусть он и татарин, но деловой, с царем в башке-то... А то живешь теперь и не ведаешь, как завтра-то повернется? Или в Бечарке утопнешь по пьяни, или свои же внучата тебя и ухайдакают за три рубля... И ходить-то вечером по Городу боязно. Все боятся, а кого бояться-то? Ведь друг друга наперечет знают. А боятся... Совсем некуда уже идти стало. За что мы боролись столько лет? Коммунизм наш где только не построили, даже в диких странах красоловов у власти поставили...

Уж в газетах и на самого Лысого гения покушения делают: не то, говорят, делал он, совсем не то! В связях с немчурой Лысого теперь подозревают, мол, революцию нашу на деньги Германии замутил. И евреи эти на пару с ним были, во как... Совсем одурели что ли, ребята? На святое-то не замахивайтесь!

Господи! Может, ты выручишь и спасешь? Иль нет Тебя?! Рая-то уж точно нет... Да ведь и ад-то вечно быть тут не может! Или может? А бес его знает, у него и спросить надобно...

Глава 3. Наркизов действует

"Я знаю, что в нашем обществе такой же беспорядок, как везде; но снаружи формы еще красивы, так что, если жить, чтобы только проходить мимо, то уж лучше тут..."

Ф. Достоевский

1. Скандал в Общем Доме

Занятый круговыми заботами, Гарри как-то и позабыл, что поступил в заведение, где учат... Он аккуратно не являлся на практики, коим молодые преподаватели Юника придавали солидное значение, поскольку именно на них сбрасывали ведение этого варианта обучения старые университетские зубры, закалившиеся в подсиживании друг друга и потому ведущие исключительно лекционные курсы. Лекции, впрочем, Гарри тоже не посещал. Поначалу Наркизова не тревожили по вполне объективной причине.

Деканат ФЛ-фака никак не мог разобраться, к какой группе относится означенный прогульщик. Бюрократические изыски, предпринятые делопроизводителем деканата и, по совместительству, "подружкой" декана Мариной Брулиной, привели к успеху. Означенная Брулина четко доложила Якову Васильевичу, что самый злостный прогульщик Наркизов Г.В. перевелся на 3 курс из одного московского института и относится к группе ФЛ-325, где старостой является активистка Факфила и "ничего себе" девушка Люсиль Доберманова. Декан сразу же вспомнил... ножки Люсиль и, немного погодя, личность Наркизова. Он быстро подмахнул приказ, и дело завертелось.

К тому же, как раз в это время, в Юнике проводилась широкая агитационная кампания "*Лучше больше, да больше!*" по борьбе с прогульщиками и с пьяницами (студенты иногда попиwali, эх!). В Общий Дом была снаряжена экспедиция молодых красоловов для обнаружения и наказания не посещающих Юник студентов. В состав комиссии вошли: Ответственный Студент, доверенное лицо декана, два дюжих хлопца Попкин и Опкин, активист ФЛ-фака Егор Чумкин, Леночка Шерстова, активная младокрасоловка, и, наконец, Люсиль Доберманова, староста группы, где учился Наркизов. В десять утра, проверив наличествующих на занятиях факфиловцев, высокая комиссия приступила к работе в общаге.

Требовательные стуки в дверь – недолгие препирательства – обещание Ответственного, что будет "еще хуже", если не откроют... Поднятые прямо с кровати стьюденты трусливо оправдывались, ежились под колючим взглядом Ответственного и клялись в своей негасимой любви к вузу, стране и лично к декану Титоренке... Затем они наскоро одевались и неслись в Юник ко второй паре. Леночка и Люсиль поначалу смущались трусоватых студентов, но вскоре обвыклись и даже помогали бедолагам в поиске куда-нибудь запропастившихся носок или ботинок. Девушки-прогульщицы встречали "гостей" куда менее гостеприимно, но сурового наказания боялись и они... Когда же члены комиссии добрались до комнаты № 713, за дверью которого мирно спал создатель, время приближалось к полудню.

Громкий стук в дверь немного удивил Гарри, так как он настрого запрещал соседям будить себя утром, но после повторного стука в усиленном варианте Наркизов решил откликнуться. Он задал вопрос о личности посетителя, ему громко и веско ответили. Гарри зевнул, перевернулся на другой бок и послал высокую комиссию...намного дальше того места, куда все бы они желали попасть. За дверью было опешено. Однако Ответственный студент быстро пришел в себя и приказал выломать дверь, что даже по роскомресповским законам смотрелось явным беззаконием. Опкин сбегал за инструментом, и дело завертелось; особенно старался

гадкий Чумкин, который, едва увидев создателя, почуял в нем классового врага. Поняв, что встречи с комиссией не избежать, Гарри встал с кровати, накинул халат и сам отпахнул заветную дверцу, которая уже едва держалась.

С криком "Й-я!" Чумкин, невысокий паутинисто-седоватый хлопец, влетел в комнату и больно треснулся о стоявший посреди стол с недопитой "Пшеничной" и недоеденной с вечера закуской. При этом он больно задел и не успевшего увернуться Гарри. Раздосадованный создатель, мало обратив внимания на остальных, жестко пнул Егорушку под зад и выругался. Чумкин немедленно полез в драку, надеясь на Попкина– Опкина. Но тут вмешалось начальство, немедленно пристыдившее Чумкина:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.